

Язык жестов

Влад Велирский

Влад Велирский

Язык жестов

<https://litres.ru/74349132>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Высшей школе договоров учат: правильный жест способен удержать перемирие, открыть морской путь и признать право целого берега. Ари Севаль, стипендиатка с зависимого острова Аварра, владеет столичным протоколом лучше многих наследников империи. Диплом должен дать ей голос на Конгрессе Девяти Берегов — если она не выдаст собственный акцент рук.

Но за безупречными мандатами скрывается цена. Архив заменяет живое согласие украденными телесными образами, а утраченные навыки списывает на жителей дальних побережий. Чтобы разрушить монополию, Ари придётся выступить против ректора, отказаться от карьеры и заключить узкий договор с друзьями, которые уже выбрали несовместимые пути: реформу, огласку, процедуру и немедленный разрыв.

Можно ли сохранить общий язык, если никто больше не вправе объявить своё толкование окончательным?

Содержание

От автора	4
Глава 1. Чужой поклон	5
Глава 2. Девять берегов	17
Глава 3. Мандат двери	33
Глава 4. Акцент рук	45
Глава 5. Цена связки	58
Глава 6. Архив соответствий	70
Глава 7. Письмо без пальцев	82
Глава 8. Практика перемирия	92
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Влад Велирский

Язык жестов

От автора

Мы часто называем жест понятным, когда узнаём его форму. Но одинаковое движение может обещать, предупредить, оскорблять или просить — в зависимости от того, кто его делает, перед кем и по какому праву. Эта история начинается там, где власть решает: различие значений слишком опасно, поэтому кто-то один должен назначить правильное.

В мире романа существует отдельная дипломатическая практика протокольных жестов. Её несовпадения способны закреплять договоры, открывать пути и удерживать перемирия. Это вымышленный магический механизм. Он не изображает реальные жестовые языки и не связывает глухоту с ущербом, тайной силой или неспособностью понимать других.

«Язык жестов» — книга не о том, можно ли обойтись без перевода. Она о цене перевода, который нельзя оспорить, и о трудном общем языке, где согласие остаётся действительным лишь до тех пор, пока каждая сторона имеет право назвать собственное значение.

Глава 1. Чужой поклон

Ари поняла, что девушка ошибётся, ещё до того, как та подняла руки.

Ошибка пряталась не в пальцах. Пальцы у девушки были сильные, с коротко срезанными ногтями и белыми полосками соли у кутикул. Так выглядели руки тех, кто вырос возле сетей, канатов и мокрых корзин. Ошибка была в том, как она поставила ноги: носками внутрь, будто собиралась выдержать порыв аваррского ветра, хотя в экзаменационном круге Высшей школы договоров требовалось стоять по-карденски — пятки на медных заклёпках, корпус открыт свидетелям.

В зале пахло дождём. Девушка ждала команды.

Ари сидела в ряду островных стипендиатов, удерживая ладони на коленях. Не помогай. Не показывай, что узнала своих.

На кафедре экзаменатор поднял серебряную палочку.

— Испытуемая Тала Ив, Аварра. Значение первой стороны: почтительное признание власти, не создающее обязательства. Значение второй стороны дано матрицей Школы. Сфера мандата — право войти в экзаменационный круг. Срок — один проход. Отзыв — касанием порога. Вы согласны?

— Согласна, — ответила Тала.

Её аваррская речь была почти свободна от островных гласных. Почти. Последний звук лёг чуть глубже, и Ари увидела, как помощник экзаменатора отметил что-то в ведомости.

В центре круга стояли два бронзовых зеркала. Первое отражало Талу. Во втором темнел силуэт архивной матрицы: тело без лица из тонких светящихся линий. Матрица должна была исполнить карденский поклон одновременно с живой участницей.

Тала подняла правую руку к ключице.

Слишком низко.

На Аварре так благодарили кормчего, который привёл всех домой: ладонь касалась груди и поворачивалась к встречному, делясь удачей. В Кардене движение начинали на два пальца выше и заканчивали ладонью вниз: я признаю установленный порядок и вхожу под его защиту.

Тала знала столичную форму. Конечно знала. Иначе не дошла бы до последнего испытания. Но тело помнило ветер лучше учебника.

Серебряная палочка опустилась.

Матрица двинулась первой.

Тала коснулась груди.

Медная линия вокруг круга вспыхнула и тут же потемнела. Воздух сжался, словно зал накрыли огромной ладонью. Тала замерла посреди поклона. Архивный силуэт уже повернул кисть вниз, а её ладонь раскрывалась наружу, к свидете-

лям.

По рядам прошёл едва слышный вдох.

Экзаменатор не остановил связку. Он смотрел не на Талу, а на песочные часы у кафедры. В верхней колбе оставалась треть чёрного песка.

Если форма расходилась до признания разных значений, мандат не возникал. Провал. Для Талы — возвращение на остров. Для Ари — на одного конкурента меньше.

Ей следовало сидеть неподвижно.

Мать повторяла всё лето: «В Кардене тебе будут предлагать исправить нас. Не спеши доказывать, что умеешь».

Но Ари видела пустой квадрат в экзаменационной ведомости, видела помощника с занесённым пером и видела, как Тала пытается заставить собственное плечо поднять руку выше. Ещё миг — и мышцы дрогнут. Тогда ошибку запишут не как аварское значение, а как неспособность удержать форму.

Ари поднялась.

— Разрешите свидетельское уточнение.

Слова вырвались громче, чем она рассчитывала. Несколько голов повернулось. Тала не могла обернуться, но её пальцы дрогнули.

Экзаменатор посмотрел на Ари поверх круглых очков.

— Назовите основание.

На кафедре песок продолжал сыпаться.

— Исполнительница показывает островной вариант при-

знания старшинства. Положение ладони обозначает возвращённую, а не принятую власть. Форма связки исправима без смены значения второй стороны.

Экзаменатор одобрительно приподнял брови, и Ари возненавидела своё облегчение.

— Вы утверждаете право толкования аваррской стороны?

Правильным ответом было «нет». Только исполнитель мог назвать своё значение.

Тала стояла, согнувшись между двумя зеркалами. Чёрного песка оставалось на два вдоха.

— Я подтверждаю употребление, — сказала Ари. — И прошу разрешить коррекцию формы.

Экзаменатор коснулся палочкой края кафедры.

Звон прошёл по медной линии. Время остановилось.

— Войдите в круг, абитуриентка...

— Ари Севаль.

Ари спустилась по ступеням, чувствуя взгляды островитян спиной. Порог был закрыт незавершённым мандатом; она остановилась снаружи напротив Талы.

На виске у Талы блестела испарина.

— Смотри на меня, — тихо сказала Ари.

— Я знаю форму.

— Тогда покажи, что знаешь.

Она коснулась двумя пальцами точки над ключицей, провела короткую дугу и повернула ладонь вниз. Без открытой ладони, которой на острове делились благополучным воз-

вращением. Без следа дома.

Тала смотрела на неё, и в её взгляде благодарности было меньше, чем ярости.

— Вы просили коррекцию формы, абитуриентка Севаль,
— напомнил экзаменатор. — Не второе исполнение.

Ари опустила руку.

— Коррекция показана.

Звон повторился. Песок снова потёк.

Тала переставила пальцы. Выше. Ещё выше. Её плечо напряглось, когда она заставила ладонь повернуться вниз. Архивный силуэт совпал с ней до линии ногтей.

Ничего не произошло.

Потом Тала произнесла сквозь зубы:

— Моё значение — благодарность той, кто вернул людей,
а не подчинение тому, кто объявил себя властью.

Второе зеркало засветилось. Из пустоты пришёл ровный голос:

— Моё значение — признание установленного порядка и добровольное принятие его защиты.

Между ладонями вспыхнула тонкая коралловая нить.

Прежде Ари видела учебный резонанс только в чашах пансиона. Здесь различие натянуло воздух от Талы к безликому силуэту, заставляя свидетелей услышать сразу оба смысла. На миг Ари ощутила соль на губах, качку под ногами и неподвижность каменной площади — два мира, ни один не уступал.

Медный круг признал расхождение.

В его линии открылся разрыв шириной в шаг.

— Проход разрешён, — сказал экзаменатор.

Тала выпрямилась. Чтобы завершить мандат, ей оставалось выйти через разрыв и коснуться порога, отзывая право входа. Она сделала шаг, затем второй. Когда она поравнялась с Ари, та заметила, что правая кисть Талы осталась в положении поклона.

— Опустит руку, — прошептала Ари.

— Она опущена.

Но рука висела у бедра, и два средних пальца были всё ещё прижаты к ладони.

Тала посмотрела вниз. Попыталась разогнуть их. Безымянный палец послушался, мизинец тоже. Средний и указательный не двинулись.

— Коснитесь порога, — потребовал помощник.

Тала присела и приложила левую ладонь к бронзовой полосе. Коралловая нить погасла. Архивный силуэт исчез, а два пальца правой руки остались согнутыми.

Врач Школы поднялась из-за бокового стола. На ней был серый халат без застёжек, чтобы ничто не мешало жестам допуска. Она подошла к Тале, проверила запястье и по одному потянула пальцы.

— Чувствуете?

— Давление.

— Боль?

— Нет.

— Тепло?

Тала помедлила.

— Нет.

Врач повернулась к комиссии.

— Локальная цена связки. Утрата тонкого разгибания второго и третьего пальцев. Предварительно временная.

Среди абитуриентов зашептались. Экзаменатор поднял палочку, и звук оборвался.

— Цена допустима правилами вступительного испытания, — сказал он. — Исполнительница предупреждена и дала согласие.

Перед началом Талу спросили о значении, сфере, сроке и отзыве. О цене не спросили. В утреннем листе говорилось лишь о «кратковременном снижении телесной точности», но не о пальцах, которые перестают принадлежать тебе на глазах у ста двадцати человек.

— Я могу продолжать? — спросила Тала.

— Ваше испытание завершено. Ожидайте решения.

Она повернулась к Ари.

— А ты, значит, ещё и балл получишь.

— Я хотела помочь.

— Ты хотела, чтобы они увидели, как правильно.

Тала ушла к врачу, не дожидаясь ответа.

Помощник комиссии подозвал Ари. За кафедрой лежали три ведомости: имена, результаты, расходы. Ари старалась

не смотреть на последнюю, но взгляд сам нашёл строку Талы.

— Свидетельское уточнение было процедурно неполным,
— произнёс экзаменатор. — Вы присвоили себе право называть употребление за исполнительницу.

— Я не называла её значение.

— Вы сузили пространство допустимого ответа. Это почти одно и то же.

У Ари похолодела спина. Школа брала с Аварры одного стипендиата в год. Один неверный ответ мог обесценить дорогу сюда и материнские сбережения.

Экзаменатор выдержал паузу.

— Однако вы верно распознали локальный вариант и безошибочно перевели его в столичную форму. Такую точность редко показывают до первого курса.

Он поставил в ведомости две отметки. Девять за знание протокола. Десять за коррекцию.

— Высший суммарный балл сегодняшнего потока, абитуриентка Севаль.

Облегчение пришло раньше стыда. Ари поклонилась комиссии — точка над ключицей, дуга, ладонь вниз — и лишь тогда поняла, что снова исполнила тот же жест.

— Можете вернуться на место.

Она сделала шаг, но остановилась возле края кафедры. В расходной ведомости писарь заполнял строку медленно, макая перо после каждого слова.

Тала Ив. Учебный мандат допуска. Цена: моторная связка

правой кисти, две единицы. Срок наблюдения: семь дней.

Следующая графа называлась «источник покрытия». В ней следовало стоять имени исполнительницы: связка была добровольной, короткой, замкнутой на одном человеке.

Писарь написал: «Аварра».

Ари наклонилась ближе.

— Простите. Здесь ошибка.

Он промокнул чернила песком.

— Какая именно?

— Цена возникла у Талы Ив. Нужно указать её имя.

— Указано в первой графе.

— Но источник покрытия...

— Территориальный.

Писарь говорил с терпением человека, которому приходится объяснять очевидное.

— Это вступительное испытание, — сказала Ари. — Не береговой мандат.

— Матрица школьная, образ аваррский. Расхождение территориальное. Следовательно, покрытие территориальное.

— Чей образ?

Перо замерло над чернильницей.

Экзаменатор снял очки и сложил их на ведомости, закрыв нижние строки.

— Архивные образы не относятся к предмету вступительного испытания.

— Но Тала была живой стороной. Зачем списывать цену

на остров, если она уже потеряла движение?

Тишина вокруг кафедры стала иной. Не экзаменационной — служебной. Помощник перестал складывать листы. Врач у бокового стола посмотрела в их сторону, затем отвела глаза.

Экзаменатор вернул очки на лицо.

— Вы путаете проявление цены с её покрытием. Для первого дня это простительно.

— А для второго?

Вопрос прозвучал дерзко. Ари уже хотела забрать его обратно, но экзаменатор улыбнулся — не сердито, а почти одобчительно.

— Для второго у вас будут учебники.

Он перевернул расходную ведомость.

Разговор был окончен.

Ари поднялась на свой ярус. Столичные абитуриенты разглядывали её с уважением; двое повторили жест признания. Островитяне отводили глаза.

На карточке с её номером кто-то углём нарисовал аваррскую ладонь. Один штрих пересекал пальцы, будто решётка.

Ари стёрла рисунок большим пальцем. Уголь размазался по коже и забился в линии ладони.

Испытания продолжались. Матрица принимала новые очертания, но её движения оставались безукоризненно столичными. Каждый раз писарь открывал расходную ведомость. Тале тем временем закрепили два пальца тонкой мед-

ной шиной.

Когда объявили перерыв, Ари спустилась к ней.

— Врач сказала, это пройдёт?

— Она сказала «предварительно».

— Я видела ведомость.

Тала подняла глаза.

— И что там было? Твой дополнительный балл?

— Цену записали на Аварру.

На лице Талы впервые исчезла злость. Осталась усталость.

— Конечно.

— Ты знала?

— В порту после каждого большого мандата кто-нибудь роняет иглу, забывает узел или не может удержать ложку. Нам говорят: усталость после шторма.

— Это не может быть связано. Государственные связки проходят здесь.

— Вот именно, столичная девочка.

Ари вздрогнула сильнее, чем если бы её ударили.

— Я родилась в Севарской бухте.

— А поклонилась как будто нет.

Тала встала. Медная шина блеснула на её пальцах.

— Если поступишь, Севаль, спроси у своих учебников, сколько рук у одного острова.

Она ушла в лечебное крыло, прижимая повреждённую кисть к груди. Не в знак благодарности и не в знак власти — просто чтобы не задевать ею людей.

Ари осталась у закрытой двери амфитеатра. На внутренней стороне порога светилась последняя черта отозванного мандата. Она наклонилась и коснулась её испачканным уголём пальцем.

Черта была холодной. Где-то далеко, за дождём, морем и четырьмя днями пути, Аварра только что заплатила за её высший балл.

Глава 2. Девять берегов

К полудню дождь стёр с окон Кардену.

За стеклом остались только серые уклоны крыш, медные водостоки и девять флагов над внутренним двором Высшей школы. Ветер прижимал их к мокрым древкам, и берега Лигата висели один под другим, будто их уже привели к единому порядку: белая столица наверху, зависимые побережья ниже, Аварра последней — тёмно-синяя полоса с коралловым углом.

Ари стояла перед доской распределения и искала своё имя.

Испытания закончились час назад. За этот час она успела получить серую ленту принятой студентки, ключ от комнаты в восточном общежитии и четыре поздравления от людей, которые утром не знали, как её зовут. Ни один островитянин к ней не подошёл. Талу врач увела через боковой выход.

На доске мелом были выведены девять учебных кругов. Рядом с каждым — четыре фамилии и знак первой практики.

Ари нашла себя в седьмом.

Севаль. Марен. Ор. Эйда.

Под фамилиями куратор приписала: «Связка доступа. Северная дверь. После первого колокола».

— Нам повезло, — произнёс кто-то справа. — По край-

ней мере, один человек в группе умеет получать десятки за чужие руки.

Голос был спокойный, без насмешки, но именно это заставило Ари обернуться резче, чем следовало.

Тео Марена она заметила ещё на испытании. Не из-за тёмно-зелёного столичного камзола — такие носила половина первого ряда, — а из-за того, что он ни разу не повторил жест вслед за исполнителем. Большинство абитуриентов шевелили пальцами на коленях, проверяя себя. Тео только смотрел, точно заранее знал, что его тело не будут проверять на принадлежность.

Теперь на нём была такая же серая лента, как у Ари. На пряжке оставалась едва заметная царапина: министерский герб сняли перед поступлением, но не до конца.

— Я исправила форму, — сказала Ари. — Руки остались её.

— Это я и имел в виду.

— Нет. Ты имел в виду, что видел оценки.

Тео чуть улыбнулся.

— И ведомость распределения. Я Тео Марен.

Он предложил приветствие открытой кистью на уровне локтя — школьную форму между равными. Ари ответила точно в его темпе. Ни раньше, чтобы не просить расположения, ни позже, чтобы не показывать недоверия.

— Ари Севаль.

— Знаю.

— Здесь все уже знают, — сказала девушка у доски.

Она стояла так близко, что Ари могла коснуться её плечом, но прежде не замечала её. Невысокая, в выцветшей красной куртке побережья Сайр, с волосами, стянутыми медной проволокой вместо ленты. Левой рукой она переписывала расписание в тонкую книжку. Правая оставалась в кармане.

— Лисса Ор, — представил её Тео.

— Я сама могу назвать себя.

— Тогда почему не назвала?

— Хотела проверить, сколько времени сын министра выдержит без этой услуги.

Улыбка исчезла с лица Тео не сразу. Ари заметила запоздание и поняла, что попала в группу, где каждое движение будут читать прежде, чем оно закончится.

Лисса захлопнула книжку.

— Ты ведь с Аварры?

— Да.

— Не похоже.

Ари посмотрела на собственные руки. Уголь, которым кто-то перечеркнул островную ладонь на её карточке, остался в линиях кожи, хотя она дважды мыла пальцы.

— По чему ты определяешь?

— По тому, как быстро ты переводишь своих на столичный.

Тео шагнул между ними не телом — голосом:

— Северная дверь выдаётся группе только на одну попытку. Если вы хотите закончить спор до занятия, предлагаю начать сейчас.

— Ты предлагаешь нам расписание? — спросила Лисса.

— Предлагаю не провалиться из-за спора, который можно продолжить после.

— Вот поэтому у столицы всегда есть «после».

— А у Сайра всегда есть человек, который говорит за весь берег?

Лисса вынула правую руку из кармана. На первый взгляд с ней всё было в порядке. Потом она попыталась разогнуть мизинец, и тот остановился раньше остальных. Движение длилось один миг — достаточно, чтобы Ари увидела, недостаточно, чтобы спросить при всех.

— Я говорю за себя, Марен. И сейчас я не хочу, чтобы девочка с высшим баллом исправляла меня в первой же связке.

— Мне не нужно тебя исправлять, — сказала Ари.

— Утром тоже не было нужно.

Перед внутренним взором снова возникли пальцы Талы в медной шине. Ари могла объяснить: без её вмешательства Тала не прошла бы испытание; комиссия записала бы ошибку; единственное место для Аварры досталось бы кому-то другому. Все доводы были верными. Ни один не возвращал пальцам чувствительность.

— Ты видела начало, — сказала она. — Видела, что связка не складывалась.

— Я видела конец. Столица поставила тебе десять за то, что ты показала островитянке правильное положение руки.

— Девять за протокол. Десять за коррекцию.

Слова вырвались прежде, чем Ари услышала их со стороны.

Лисса коротко рассмеялась.

— Спасибо за точность.

Она отвернулась к доске и зачеркнула что-то в своей книжке.

Ари почувствовала, как лицо становится горячим. Она не хвасталась. Она разделила две оценки, потому что Лисса соединила их неправильно. Если уступить неточности сейчас, на занятии придётся уступить ещё одной, потом следующей — и к Конгрессу от её диплома останется только серая лента.

— Точность никому не служит, — сказала Ари. — Она либо есть, либо нет.

— Очень столичная мысль.

— На Аварре лодка тоже тонет независимо от того, кто неверно рассчитал груз.

— Но тонет почему-то наша.

Между ними повисла пауза. За окнами порыв освободил флаги. Девять полотнищ вытянулись в разные стороны, каждое по своему ветру, хотя ветер был один.

— Нас четверо, — заметил новый голос. — Если трое уже определили позиции, я хотел бы узнать, кем назначен отсутствующий.

У края толпы стоял высокий юноша в бесцветной архивной накидке. Лица у него были такие правильные и неподвижные черты, что он казался старше остальных, пока не поправил сползающую с плеча сумку. Из неё торчали свёрнутые таблицы, костяная линейка и две пары белых перчаток.

— Нол Эйда, — сказал он. — Практикант Архива соответствий. Нейтральный город Эллар.

Он не протянул руку. Вместо приветствия показал обе ладони, затем убрал их за спину. В Элларе это означало: между нами пока нет ни просьбы, ни долга.

Ари ответила тем же. Тео после короткой заминки повторил. Лисса оставила руки как были.

Нол посмотрел на неё.

— Отсутствующий, значит, наблюдатель?

— Отсутствующий не обязан участвовать в столичной перекличке, — ответила Лисса.

— Это элларская форма.

— На стене столичной школы.

— Стена не исполняет жест.

— Она решает, кто здесь свой.

Нол принял это к сведению так явно, словно внёс фразу в невидимый протокол.

— Для мандата двери нам понадобятся две стороны, свидетель и держатель предела. Предлагаю определить функции до распределения значений.

— Предлагаю сначала увидеть дверь, — сказала Ари.

— На табличке указана северная.

— Табличка сообщает место, а не задачу.

— Задача стандартная.

— Тогда зачем одна попытка?

Нол впервые моргнул не в обычном ритме, а дважды подряд. Ари поняла, что попала в цель.

Тео снял лист распределения с гвоздя и прочёл мелкую строку внизу.

— «Состав сторон и предел определяются после осмотра объекта». Севаль права.

— Я не утверждал обратного, — сказал Нол. — Я предложил распределить функции, не значения.

— Функция держателя предела зависит от того, что дверь разделяет, — возразила Ари. — В комнате, где хранят лекарства, пределом может быть имя врача. На пути эвакуации — число людей. Если заранее назначить держателя, задача выберет предел вместо нас.

— Хорошо, — сказал Тео. — Сначала осмотр.

Он произнёс это как решение, и Лисса немедленно нахмурилась.

— Мы голосовали?

— Двое предложили осмотр, один не возразил.

— Ты посчитал себя за двоих?

— Севаль предложила. Я согласился. Эйда сказал «хорошо».

— «Хорошо» сказал ты.

— Тогда Эйда?

Нол поправил сумку.

— Осмотр процедурно предшествует установлению предела.

— Трое, — заключил Тео.

Лисса посмотрела на Ари, будто та только что незаметно присоединилась к столичной делегации.

— Вот так это и делается, — сказала она. — Даже приказ звучит как арифметика.

Первый колокол прокатился по галереям прежде, чем Ари успела ответить.

Доска распределения раскрылась посередине. Меловые фамилии осыпались белой пылью, а из щели выдвинулись девять бронзовых жетонов. Каждый нёс знак своего учебного круга. Седьмой напоминал дверь с двумя ручками по разные стороны.

Тео взял жетон.

Бронза вспыхнула и ударила его по пальцам. Он не вскрикнул, только разжал руку. Жетон повис в воздухе.

— Состав не признан, — сообщил голос из доски.

По галерее уже расходились остальные группы. Кто-то засмеялся, увидев зависший жетон. Тео снова потянулся к нему, но Нол перехватил его запястье.

— Повторное единоличное принятие будет записано как заявление старшинства.

— Я просто хотел снять жетон.

— Предмет не знает, чего ты хотел.

— А ты знаешь?

— Я знаю формуляр.

Ари оглянулась на доску. Под их фамилиями проступили четыре маленьких углубления — места для пальцев. Не одинаковые: первое сверху, второе сбоку, третье почти у нижнего края, четвёртое на обороте.

— Это не старшинство, — сказала она. — Он проверяет, признаём ли мы одну и ту же сторону.

— Мы стоим с разных сторон доски? — спросил Тео.

— Для школы — да. Кардена, Сайр, Эллар, Аварра.

Лисса подошла ближе.

— Девять берегов, а в группе четыре человека.

— Остальные круги дополняют схему, — сказал Нол. — Каждый получает свою модель различия.

— Или каждый разучивает, как из четырёх сделать один голос.

Ари нашла углубление на обороте. Оно было невидимо со стороны Тео и Нола. Чтобы коснуться его, пришлось просунуть руку за доску, не зная, есть ли там острый край.

— Если школа хотела один голос, оставила бы одно место, — сказала она.

— Ты всегда объясняешь за школу? — спросила Лисса.

— Я объясняю бронзу.

— Она попросила?

Ари отдернула руку.

Можно было уйти. Первая практика начиналась после колокола, но ни один наставник ещё не появился. Если группа не признает состав, попытку запишут общей неудачей. Ари сохранит высший вступительный балл. Лисса получит доказательство, что столичная система не умеет работать без принуждения. Тео, вероятно, найдёт нужную жалобу. Нол назовёт пункт формуляра.

Ари приехала не за тем, чтобы оказаться самой правой возле закрытой двери.

— Я не буду исправлять твой жест, — сказала она Лиссе.

— Ни сейчас, ни во время связи.

— Щедро.

— И не назову твоё значение.

— После утра тебе положена награда за сдержанность?

— Нет. Но если ты изменишь форму так, что мандат не сложится, я укажу на расхождение.

— То есть всё-таки исправишь.

— Укажу. Исправлять будешь ты — если решишь, что это ошибка.

Лисса смотрела на неё, прищурившись. Правую руку она снова держала в кармане.

— А если это не ошибка?

— Тогда ты назовёшь своё значение. Не я.

Тео тихо выдохнул. Ари поняла, что он всё это время ждал возможности вмешаться, но впервые выбрал молчание.

Нол снял с сумки костяную линейку и измерил расстояние между углублениями.

— Одновременность допускает отклонение в половину удара сердца, — сообщил он. — Если мы принимаем состав, касаемся по моему счёту.

— Нет, — сказала Лисса.

— Почему?

— Потому что считать будет она.

Лисса кивнула на Ари.

— Хочет доказать, что точность ничья, пусть доказывает.

Ари почувствовала ловушку. Если она сойдёт, Лисса получит подтверждение своей правоты. Если проведёт их безупречно, подтвердит, что утренний успех был не случайностью, — и снова окажется полезна школе ровно тем, за что её обвиняют.

Но нейтральность, поняла она, нельзя объявить. Её можно только проверить там, где тебе не выбирают удобных свидетелей.

— Хорошо, — сказала Ари. — Не по столичному счёту. По дыханию. Вдох — приготовиться. На выдохе касаемся.

— Дыхание у всех разное, — заметил Нол.

— Поэтому смотрите не на меня. Друг на друга.

Они встали вокруг доски. Тео положил палец в верхнее углубление, Нол — в боковое. Лиссе досталось нижнее; ей пришлось согнуть правый мизинец, и на лице на миг проступила боль.

Ари сделала вид, что не заметила. Она просунула ладонь за доску и нащупала холодную выемку.

— Готовы? — спросил Тео.

— Не командуй, — сказала Лисса, но взгляда от Ари не отвела.

Ари вдохнула.

Тео подхватил слишком быстро, Нол слишком ровно. Лисса задержалась, словно берегла воздух. На втором вдохе их ритмы приблизились. На третьем никто не ждал приказа. Четыре пальца коснулись бронзы.

Жетон между ними раскрылся, как сложенная карта. По его поверхности разбежались девять линий: от каждого флага во дворе к одной точке на северной стене. Ни одна линия не была прямой. Аваррская огибала остальные и входила в точку с обратной стороны.

— Состав признан, — произнёс голос. — Учебный круг семь. Получите объект практики у куратора конфликтных протоколов.

На бронзе проступило имя: Сада Рин.

Жетон упал. На этот раз его подхватила Лисса левой рукой.

— Северная дверь, — прочла она на обороте. — Сфера: проход к аудитории. Две стороны определяются группой. Свидетель обязателен. Предел неизвестен до предъявления объекта. Цена распределяется по исполнителям.

На последних словах её правый мизинец снова дёрнулся.

— Ты уже участвовала в учебной связке? — спросила Ари.

— Все в Сайре участвуют, прежде чем столица разрешит назвать это учёбой.

— В каком мандате?

— Ты обещала не называть моё значение. О вопросах речи не было.

— Я не...

— После двери, — оборвал Тео. — Если она захочет.

Лисса метнула в него взгляд, но спорить не стала. Это было не согласием — лишь признанием, что он впервые оставил решение ей.

Нол развернул одну из таблиц.

— Северная дверь построена до нынешнего крыла. В реестре у неё три прежних назначения: проход для прислуги, эвакуационный выход и доступ к залу малых переговоров. Каждое может задавать другое исходное значение.

— Откуда у первокурсника реестр? — спросил Тео.

— У практиканта Архива.

— И ты не мог сказать это до принятия состава?

— Мог. Но сведения об объекте выдаются признанной группе.

— Даже если без них мы могли не признать группу?

— Особенно тогда.

Тео рассмеялся — один раз, без веселья.

— Кажется, я начинаю понимать школу.

— Нет, — сказала Лисса. — Ты начинаешь замечать, что она делает и с тобой.

Они двинулись по северной галерее. Впереди шёл Нол, сверяя номера арок с таблицей. Тео держался рядом с Лиссой, но больше не пытался задавать темп. Ари отстала на полшага.

На стенах висели карты Лигата. Девять берегов были раскрашены девятью цветами, а морские пути — одним, столичным белым. На каждой карте Аварра помещалась в углу, чтобы не разрывать рамку. Ари привыкла к этому ещё в пансионе: родина всегда оказывалась там, где художнику оставалось место.

У последней арки их ждала женщина в сером преподавательском плаще. Рукава были обрезаны до локтя, открывая предплечья в тонких шрамах от старых связок. Сада Рин держала связку ключей, но ни одного замка возле двери не было.

Сама дверь оказалась узкой, дубовой, с двумя бронзовыми ручками на одной стороне. Над косяком вырезали девять ладоней. У восьми пальцы были сложены одинаково. Девятая, почти стёртая, раскрывалась наружу.

Аваррская.

Ари узнала её сразу и заставила себя не менять лица.

— Учебный круг семь, — сказала Сада. Её взгляд прошёл по серым лентам и остановился на жетоне в руке Лиссы. — Завтра после первого колокола вы создадите мандат доступа

к этой аудитории. Дверь должна пропустить всех четверых и сохранить право каждого отозвать своё согласие.

— Если сторон две, почему пройти должны четверо? — спросил Нол.

— Это и есть ваша задача.

— Как определяется цена? — спросила Ари.

Сада посмотрела на неё внимательнее.

— После сегодняшнего испытания это правильный вопрос, Севаль. Но недостаточный.

Она вставила ключ не в дверь, а в едва заметное отверстие между двумя ручками. Внутри древесины что-то повернулось. Девять вырезанных ладоней одновременно сжались, кроме аваррской.

Дверь приоткрылась на ширину пальца. Из щели потянуло холодом и запахом старой бумаги.

— К завтрашней практике подготовьте значения сторон, предел, отзыв и способ распределения цены, — продолжила Сада. — И ещё один вопрос, которого нет в формуляре.

— Какой? — спросил Тео.

Сада вынула ключ. Щель исчезла.

— Кто из вас останется снаружи, если ваш безупречный мандат поймёт слово «все» не так, как вы?

Она ушла, оставив их перед закрытой дверью.

Лисса первой подняла руку к стёртому аваррскому знаку, но не коснулась его.

— Только попробуй объяснить, что он значит, — сказала

она Ари.

Ари увидела неверный угол её мизинца, белую линию боли возле губ и две одинаковые бронзовые ручки по одну сторону двери.

— Не буду, — ответила она. — Завтра ты объяснишь сама.

Глава 3. Мандат двери

Утром северная дверь выглядела проще. Две бронзовые ручки блестели с одной стороны, а ладони над косяком казались украшением. Только аваррский знак раскрывался наружу, будто дерево помнило отсутствующее направление.

На полу Сада Рин начертила квадрат. Внутри стоял стол с чашами воды, шнурами и формуляром. За линией собрались два старших круга: практика была ещё и представлением.

— До второго колокола дверь должна признать всех четверых, — сказала Сада. — Одна учебная связка. Один отзыв для каждого. Цена распределяется по исполнителям. Если формуляр не отвечает на вопрос, отвечает мандат.

— А если мандат отвечает неправильно? — спросил Тео.

— Тогда вы узнаете, что именно подписали.

Сада отошла к стене без подсказки и ключа.

Нол разложил на столе листы. Верхний оказался копией старого реестра: «Северный проход, зал малых переговоров». Ниже шли две подписи, выведенные выцветшими коричневыми чернилами, и позднейшая приписка о переводе объекта в учебную сферу.

— Начнём со сторон, — сказал он. — В реестре названы входящие и хранитель помещения.

— Хранителя здесь нет, — заметила Лисса.

— Его функцию может принять свидетель.

— Свидетель не сторона, — сказала Ари.

Нол повернул к ней формуляр.

— Тогда предложи состав, который не потребует пятого человека.

Ари коснулась ручки. Обе находились в коридоре и тянули дверь на себя. Считать сторонами входящих и выходящих было ложью: изнутри не было ни ручки, ни замочной пластины.

— Стороны — не люди по разные стороны двери, — сказала она. — Первая признаёт право пройти. Вторая признаёт право не пропускать.

— Кто здесь не пропускает? — спросил Тео.

— Сама дверь, если мы дадим ей предел.

Лисса провела левой рукой над мелованной линией, не переступая её.

— Дерево не может признать расхождение.

— Но старый образ хранителя может, — ответил Нол. — В исходном мандате подписи две.

— Живые? — спросила Ари.

Нол задержал палец над нижней строкой.

— При создании реестра — да.

Он ответил точно, но не на тот вопрос. Ари промолчала.

Тео взял шнур и протянул его от двери к столу.

— Если первой стороной будет круг, мы признаём право каждого из нас войти. Вторая сторона — прежний хранитель в записи. Предел: только эта аудитория и только до конца

занятия.

— А отзыв? — Лисса смотрела не на него, а на узел в его пальцах.

— Любой размыкает связку.

— Каким действием?

Тео отпустил шнур.

— Можно развести руки.

— После того как войдём? — спросила Ари. — Если мандат оставит кого-то снаружи, остальные не увидят его рук.

— Отзыв должен быть доступен по обе стороны, — сказала она. — Не жест. Голос тоже не подойдёт: дверь толще ладони, а в аудитории может быть шум.

Нол поднял один из шнуров. Тот был соткан из четырёх цветов.

— Натяжение передаётся через порог. Каждый держит свою нить. Если кто-то отпускает, узел распадается.

Лисса наконец вынула правую руку из кармана. Мизинец разгибался не до конца, но она ловко подцепила ногтем край шнура и распустила его на четыре длинные пряди.

— Не если связать кольцо.

Через минуту четыре пряди образовали большое кольцо, проходившее сквозь щель под дверью. Каждый мог держать свой цвет и снаружи, и внутри. Если один отпускал нить, общий узел терял натяжение.

— Цена? — напомнила Сада от стены.

Первый колокол был уже близко. Ари слышала, как в со-

седних галереях закрываются аудитории.

— Поровну, — сказал Тео.

— Это число, не способ, — отозвалась Сада.

— Тогда делим время утраты, — предложила Ари. — Один навык на короткий срок у каждого вместо одного долгого ущерба у кого-то одного.

— Какой навык? — спросил Тео.

— Связанный с проходом, но не мешающий отозвать согласие. Чувство края ступней.

Нол нахмурился.

— Это опасно на лестнице.

— До конца занятия мы остаёмся на одном этаже. И проверим восстановление до выхода.

Ари записала: «Каждый исполнитель на срок действия уступает способность различать босой стопой край неподвижной поверхности; равновесие, боль, температура и управление движением исключены». Формулировка вышла длинной. Сада не вмешалась.

Оставалось значение двери.

Лисса подошла к стёртой ладони над косяком. Поставила правую руку рядом, не касаясь дерева. Четыре пальца раскрылись к коридору, мизинец остался согнут.

— В Сайре так возвращают право берега тому, кто высадился, — сказала она. — Не «входи». «Ты решаешь, считать ли прибытие завершённым».

Она посмотрела на Ари с вызовом, но в её голосе слыша-

лось не ожидание насмешки, а требование выдержать обещание.

Ари подняла свою руку. Аваррская форма отличалась положением запястья: ладонь разворачивалась не к прибывшему, а к морю за его спиной.

— В Аварре это право вернуться за теми, кто ещё не сошёл на берег, — сказала она. — Проход считается открытым, пока последний человек сам не назовёт себя прибывшим.

— Значит, исходное значение принадлежит Аварре? — спросил Тео.

— Значение не принадлежит, как ключ. Но знак вырезан аваррский.

Нол сверился с реестром.

— Здесь указано: «признание завершённого прибытия».

— Это третье значение, — сказала Лисса. — Столичное.

Три толкования оказались рядом: дверь решает, человек решает, последний из группы решает. Ари почувствовала искушение выбрать удобную пару и объявить остальное акцентом.

— Берём наше общее право пройти и право прежнего хранителя задержать входящего до признания прибытия, — решил Тео. — Аваррская форма задаёт предел: мандат не закрывается, пока не пройдут все четверо.

— Если аваррская форма задаёт предел, её носитель становится частью второй стороны. Я не смогу одновременно просить проход и решать, завершён ли он.

— Но нас четверо, и дверь должна пропустить четверых.

— Поэтому исходное значение нельзя использовать как безличный замок.

Лисса коротко кивнула. Впервые её согласие не было направлено против Тео или школы; оно просто встало рядом с Ари.

Нол перевернул копию реестра.

— Есть поздняя учебная поправка. «Носитель исходной формы может выступать свидетелем обеих сторон без потери права доступа».

— Кто подписал? — спросила Ари.

— Ректор Восс и архивист Дерн.

Внизу стояли два росчерка. Первый Ари видела на приказе ректора. Второй был тоньше; рядом чернел знак двух сложенных ладоней.

— Используем поправку, — сказала Ари. — Но носитель исходной формы входит первым. Если дверь его не признаёт, связку сразу отзываем.

— Ты? — спросила Лисса.

— Я.

— Потому что знак аваррский. И потому что я предлагаю риск.

Лисса сжала губы, затем подала ей коралловую нить.

Они распределили роли. Тео представлял право группы пройти. Нол — запись хранителя, признанную второй подписью. Лисса стала свидетелем расхождения и держателем

предела. Ари несла исходную форму и общий отзыв. Каждый обернул нить вокруг запястья один раз — без узла, чтобы любое движение могло разорвать кольцо.

— Живая связка, — сказала Сада. — Значения называете сами. Я подтверждаю только сферу: северный проход к аудитории до конца первого занятия.

Тео поднял обе ладони, сложив их перед собой, как створки.

— Мы признаём проход правом каждого названного участника круга.

Нол развернул одну ладонь поперёк другой.

— Хранитель признаёт право задержать вход до завершённого прибытия.

— Эти значения не равны, — сказала Лисса. Она показала сайрское возвращение права прибывшему, затем коснулась коралловой нити. — И ни одно не может отменить решение входящего. Предел — четыре участника, эта дверь, это занятие. Отзыв — потеря натяжения любой нити.

Настала очередь Ари. Она раскрыла ладонь к воображаемому морю.

— Прибытие не завершено, пока последний не признал себя прибывшим. Я свидетельствую исходную форму и не уступаю ей право назвать меня вместо меня.

Вода в чашах поднялась одновременно, хотя никто к ним не прикасался. Под босыми подошвами — обувь их попросили снять перед квадратом — мелованная линия исчезла.

Ари видела её, но перестала чувствовать переход с камня на тонкий слой мела. Цена была взята точно.

Бронзовые ручки повернулись навстречу друг другу.
Дверь открылась.

За ней находилась небольшая аудитория с круглым столом и девятью пустыми стульями. Кольцо нитей лежало через порог. Тео вошёл первым, удерживая синюю прядь. Затем Нол. Когда Лисса пересекла порог, вода в её чаше дрогнула, но не пролилась.

Ари осталась в коридоре.
— Теперь ты, — сказал Тео.
Она шагнула.

Носок прошёл над порогом, а тело остановилось так резко, будто впереди выросло стекло. Боли не было. Дверь просто перестала признавать пространство внутри местом, куда Ари могла поставить ногу.

Коралловая нить натянулась.
— Отпускай, — сказала Лисса.

Ари разжала пальцы. Нить упала — и осталась натянутой. Кольцо держало её запястье, хотя узла там не было. Кто-то внутри всё ещё признавал связку целой.

— Я тоже отпустил, — сказал Тео. Его синяя прядь лежала на полу, но общее кольцо не распалось.

Нол смотрел на свою пустую ладонь.

— Отзыв зарегистрирован неверно.

— Зарегистрирован точно, — сказала Ари. — Не нами.

Она снова показала аваррскую форму. Дверь захлопнулась перед её пальцами. В тот же миг внутри вскрикнул кто-то из старшекурсников: по дубу пробежали девять светлых отпечатков. Восемь сжались. Аваррский остался раскрытым.

Сада ударила ребром ладони по центральному знаку. Свет погас, нити обмякли, дверь выпустила троих. Тео едва не подвернул ногу на мелованной линии: цена действовала до конца занятия, отдельно от сферы.

Она не хвалила и не ругала. Старшие круги за её спиной молчали.

— Почему дверь не пропустила Ари? — спросил Тео.

— Потому что вы дали исходной форме две несовместимые роли, — ответил Нол прежде Сады. — Свидетель обеих сторон сохранил доступ только по учебной поправке. Поправка не исполнилась.

— Значит, она ложная, — сказала Лисса.

— Или недействительная для этого объекта.

— Удобное различие.

Ари подняла копию реестра. Пока остальные проходили, чернила второй подписи нагрелись от связки. Тонкий рощерк проступил сквозь лист на обороте — не зеркально, как должны были проступить настоящие чернила, а в том же направлении. Это был не след пера, а оттиск поздней формы.

Возле подписи архивиста стоял знак двух ладоней. На лицевой стороне они соприкасались запястьями. На обороте одна ладонь была короче на сустав и накладывалась поверх

пустого места.

Ари видела такой приём в портовых копиях: если договор утрачивал свидетеля, писарь мог перенести внешний вид подписи на справочный экземпляр. Но такой оттиск никогда не подтверждал согласия. Он лишь подтверждал, что в другом месте когда-то существовал оригинал.

— Вторая подпись не подписывала поправку, — сказала она.

Нол выхватил лист быстрее, чем позволяла его обычная сдержанность.

— Это заверенная копия.

— Именно. Первая подпись сквозная. Вторая нанесена на копию готовым образом.

— Архивные образы имеют юридическую силу.

— Для справки. Не для живой связки.

— Реестр выдан Архивом соответствий вчера вечером.

— Кто имел доступ? — спросил Тео.

— Ректор, куратор объекта, дежурный архивист, практикант, получивший лист.

— Ты?

— Я получил. Не изготовил.

Лисса усмехнулась без радости.

Тео посмотрел на Ари.

— Подадим возражение. Сейчас. С копией и показаниями всех кругов.

— Кому? — спросила она.

Он понял раньше ответа: ректору, чья подпись была первой.

Сада забрала реестр у Нола. Её большие пальцы легли по краям листа, не касаясь подписей.

— Учебная задача выполнена, — сказала она. — Вы определили стороны, предел, отзыв и цену. Провели связку. Установили, кого исключает выбранное толкование.

— Дверь должна была пропустить всех, — возразил Тео.

— А поддельная подпись тоже была частью урока? — спросила Лисса.

Сада посмотрела на неё.

— Я сказала: если формуляр не отвечает на вопрос, отвечает мандат.

— Вы знали.

— Я знала историю двери. Это не одно и то же.

— Вы вернёте лист в Архив? — спросила она.

— И что останется у нас?

Сада указала на пустой формуляр.

— То, что вы готовы подписать сами.

Нол первым взял перо. Он описал отказ двери и способ нанесения второй подписи, не употребляя слова «подмена». Тео добавил, что отзыв четверых исполнителей не прекратил мандат. Лисса записала: «Носитель исходного значения был исключён именно потому, что его значение использовали как предел». Затем передала перо Ари.

Ари выбрала для протокола фразу, которую нельзя было

принять за догадку:

«Вторая подпись на учебной поправке является оттиском образа и не оставила самостоятельного сквозного следа на копии. До предъявления живого подписанта или оригинала поправка не может считаться признанием расхождения».

Под строкой они расписались четверо. Лисса помогала правому мизинцу левой рукой, но не позволила никому закончить за неё.

Сада сложила реестр отдельно от их протокола.

— После занятия зайдите в зал конфликтных форм. Все четверо.

— Это взыскание? — спросил Тео.

— Это место, где хранят неудачные вопросы.

Она ушла с копией Архива. Их собственный лист остался на столе под четырьмя чашами, и вода в них медленно опускалась к прежним отметкам.

Ари ступила на линию. Край не ощущался, но она знала, где и чьей рукой он проведён. Этого хватило, чтобы не принять линию за свойство камня.

Глава 4. Акцент рук

Три лестницы сходились перед залом конфликтных форм: каждый видел, откуда пришли остальные.

Сада Рин ждала внутри. Она не спросила, восстановилось ли у них чувство края: заставила по очереди пройти по низкой каменной планке. Ари поставила стопу точно, но на последнем шаге качнулась. Кожа уже различала холод и шероховатость, а край всё ещё ощущался как догадка.

— Цена держится дольше заявленной сферы, — сказал Тео.

Нол записал восемнадцать минут. Лисса поправила: двадцать одну, потому что дверь взяла цену до колокола. Он зачеркнул число.

В шкафах лежали пары гипсовых рук: один жест разных исполнителей. Таблички сообщали исход: «устойчив», «рассеян», «изъят». Ни слова о цене.

В центре стояли пять столов. На ближайшем — две чаши, весы и деревянная модель моста. Под мостом синела вода, хотя модель была не длиннее предплечья.

— Это музей неудач? — спросил Тео.

— Нет, — ответила Сада. — Неудачи школа хранит в отчётах. Здесь хранят расхождения, которые отчёт счёл лишними.

Она положила их протокол рядом с весами. Архивной ко-

пии при ней не было.

— Где реестр? — спросил Нол.

— Возвращён владельцу.

— Архиву?

— Тому, кто считает себя владельцем.

Нол сжал книжку, но промолчал.

Сада подняла две гипсовые руки. Обе изображали знак перемирия: большой палец прижат к основанию безымянного, остальные пальцы раскрыты. На левой отливке указательный палец был чуть наклонён внутрь.

— Найдите ошибку.

Тео указал на наклон: форма отличалась от образца.

— Значит, один живой исполнитель всегда ошибочен относительно другого, — сказала Сада.

— Не всегда. Можно повторить точно.

Сада протянула ему правую отливку.

— Повторите.

Тео выставил руку. Гипсовая кисть была снята с человека с более короткой пястной костью: совпадая с ней с одной стороны, он искажал форму с другой.

— Теперь вы, — сказала Сада Лиссе.

Лисса подняла правую руку. Мизинец не разгибался полностью. Она не стала прятать его и не позволила Саде заменить руку левой.

— Три ошибки, — сказал Нол. — Мизинец, просвет, поворот локтя.

— Три отличия, — сказала Ари.

Лисса посмотрела на неё без благодарности.

— И одно из них школа сама сделала моей рукой.

Вода под моделью моста дрогнула.

— Сто сорок лет назад Карден и посёлки западного берега заключали сезонное перемирие. Столичный исполнитель показывал эту форму как «оружие остаётся у владельца, пока рука открыта». На западном берегу наклон указательного означал: «рука открыта, пока сосед видит ладонь». Разница мала. Что меняется?

— Свидетель, — сказал Нол. — В первом случае достаточно состояния владельца. Во втором нужен тот, кто видит.

— Предел, — добавил Тео. — В темноте или за стеной обязательство прекратится.

— И право отзыва, — сказала Лисса. — Можно повернуть ладонь от соседа, не берясь за оружие.

Сада кивнула.

— Архивная редакция устранила наклон. Формы признали одинаковыми. Первый мандат продержался четыре дня и рассеялся. Второй, где расхождение записали, держался сезон.

— Потому что во втором стороны знали предел, — сказал Тео.

— Потому что предел принадлежал не толкователю, — возразила Лисса. — Его мог показать тот, кто стоял напротив.

— Резонанс возникает не из совпадения, — сказала она. — Совпадение не даёт ему пространства. Нужны два признанных значения, которые не уничтожают друг друга. Чем меньше расхождение, тем легче его скрыть. Чем лучше оно признано, тем устойчивее мандат.

Она перешла ко второму столу. Там лежали четыре тёмные плитки, каждая с неглубоким отпечатком ладони, и стоял медный сосуд с песком.

— Практическая задача. Создать мандат, который удержит песок в сосуде, пока хотя бы один участник признаёт занятие незавершённым. У каждого из вас иной способ сказать «ещё не окончено». Назовёте расхождения сами. Никаких архивных образов.

— Цена? — спросила Ари.

— Один вдох на исполнителя. Вернётся после отзыва.

— Откуда это известно?

— Сосуд открыт для проверки.

Лисса проверила обод, Тео — основание, Нол — клеймо мастерской. Ари опустила палец в холодный сухой песок.

— Принимаю предмет, — сказала Лисса. — Не ведомость.

Они положили ладони на плитки.

Тео оставил между разведёнными руками место для будущего решения. Нол остановил палец до края воображаемой строки. Лисса показала недовязанный узел.

Ари знала два аваррских варианта. В Кардене учили один:

ладонь поворачивалась ребром, а большой палец закрывал безымянный — «последняя лодка ещё не названа прибывшей». Так показывала мать на пристани, когда ждала отца из тумана.

Второй вариант существовал только на малых островах восточной гряды. Там большой палец не закрывал безымянный, а касался его ногтя. Значение было уже: «вернувшийся не назван последним, пока берег не перечислил тех, кто остался в море». Не ожидание лодки, а обязанность помнить отсутствующих.

Мирай показывала этот знак ниже пояса, когда в гавани читали списки погибших, и велела дочери никогда не повторять его перед столичным писарем.

Сада поставила перед Ари пустую табличку.

— Ваше расхождение?

Ари подняла учебную форму.

— В Аварре незавершённость зависит от последнего прибывшего. Пока он не признал прибытие, действие продолжается.

— В какой Аварре? — спросила Лисса.

Вопрос прозвучал негромко. Тео и Нол уже смотрели на Арины пальцы, проверяя положение суставов. Никто, кроме Лиссы, не спросил бы, можно ли вместить девять берегов в одно слово.

— В портовой, — ответила Ари. — Эту форму признают гавани.

Гавани действительно её признавали. Ари лишь не дала ногтям соприкоснуться, скрыв второй вариант.

Плитка под рукой нагрелась.

— Есть другие? — спросила Сада.

Ари почувствовала на себе взгляд Лиссы.

— Для этой задачи достаточно различия между нашими четырьмя формами.

Тоже правда. И тоже не ответ.

Сада не настаивала. Она велела назвать предел вслух. Тео определил его стенами зала и временем занятия. Нол добавил сосуд и четыре плитки. Лисса потребовала, чтобы любой мог отозвать связку независимо от того, считают ли остальные задачу завершённой.

— А песок? — спросила Ари. — Если хотя бы один признаёт занятие незавершённым, сосуд удерживает песок. Что именно считается удержанием?

Тео предложил не выпускать за обод ни одной песчинки. Ари заметила, что перевернутый сосуд исполнит условие, если песок прилипнет к стенкам; Нол добавил положение относительно дна, Лисса — обязательную целостность сосуда.

Они переписали предел: сосуд сохраняет целостность; песок остаётся внутри и доступен свободному пересыпанию; связка действует, пока хотя бы один из четверых живых исполнителей своим значением признаёт упражнение незавершённым; любой отзывает её снятием ладони.

— Произнесите расхождение, — сказала Сада.

Тео начал первым:

— Моё значение оставляет место для решения, которого ещё нет.

— Моё останавливается до конца записи, — сказал Нол.
— Запись может быть закончена только намеренным продолжением линии.

— Моё удерживает свободный конец, — сказала Лисса.
— Завершение зависит от того, кто умеет и вправе затянуть узел.

Ари показала учебную аваррскую форму.

— Моё оставляет прибытие незавершённым до признания последнего вернувшегося.

Касание ногтей могло добавить: и до перечисления тех, кто не вернулся. Один едва заметный промежуток отделял полную правду от формы, безопасной для Архива.

Они положили руки на плитки. Каждый уступил связке следующий вдох.

После выдоха Ари ощутила короткую пустоту вместо вдоха. Тео наклонил сосуд; песчинки поднялись по стенке против тяжести, остановились у обода и осыпались обратно.

— Мандат устойчив, — сказал Нол, когда дыхание вернулось.

— Проверяем расхождение, — велела Сада.

Тео соединил ладони, Нол довёл строку до края, Лисса затянула узел. Их плитки остыли, но песок остался внутри.

Три значения завершились. Держалось одно — Арино.

— Признайте последнего прибывшим, — сказала Сада.

Ари повернула ладонь. По учебной форме ей следовало коснуться большим пальцем основания безымянного. Но плитка под рукой ответила прежде движения: на тёмной поверхности проступил светлый след, и большой палец в нём касался ногтя.

Островной вариант.

Архивных образов не было. Так сказала Сада. Значит, след пришёл не из шкафа и не из реестра. Его принесла сама Ари — движением, которое остановила, но успела вспомнить.

Нол наклонился к плитке.

— Форма не совпадает с показанной.

Тео перестал держать сосуд.

— Ты говорила о последнем прибывшем. Здесь другой контакт.

Лисса молчала.

Названное значение стало бы архивной записью. Когда-нибудь писарь внёс бы его в мандат гавани и объявил, что берег перечислил отсутствующих, даже если там не осталось помнивших их имена.

Она резко сняла ладонь.

Связка распалась. Сосуд опрокинулся, песок хлынул на стол и просыпался между досками. Сада успела отставить их протокол.

— Отзыв исполнен, — сказала Ари.

— До завершения проверки, — добавил Нол.

— Каждый имел право отзыва.

— Право не объясняет причину.

— И не обязано.

Тео поймал сосуд у края.

— Мы признали четыре значения. Мандат держался на пятом.

— На произвольном движении, — сказала Ари. — Плитка сняла напряжение пальцев.

— Плитка отражает форму, — возразил Нол. — Не придумывает её.

— Тогда отражение ошибочно.

Лисса медленно провела мизинцем по рассыпанному песку.

— Ты сейчас защищаешь ошибку или значение?

Вот он, вопрос, который нельзя было сузить точностью. Ари могла сохранить форму, только отказав Лиссе в правде. И могла вернуть доверие, только отдав школе то, что мать велела не показывать.

— Право не объяснять собственный жест, — сказала она.

— Значит, не ошибка, — отозвалась Лисса.

Ари поняла промах слишком поздно.

Нол уже записал положение пальцев. Не значение — только наблюдение. Этого было недостаточно для живой связки, но достаточно, чтобы начать поиск в каталоге.

Ари накрыла его страницу ладонью.

— Убери.

Он поднял глаза.

— Мы обязаны фиксировать неизвестные расхождения.

— Кому обязаны?

— Друг другу. Чтобы не повторить дверь.

— У двери чужое значение использовали без живого признания. Ты предлагаешь начать с рисунка моей руки.

Нол вырвал лист и положил перед Ари.

— Тогда храни сама.

Тео опустился на колени и стал собирать песок ребром ладони.

— Если форма влияет на общий мандат, молчание тоже влияет на всех.

— Влияет, — сказала Ари.

— Значит, нам нужен способ различать тайну и скрытый предел.

— Способ нужен. Но не всякая тайна становится вашей, потому что вы оказались рядом с сосудом.

Тео ссыпал первую горсть обратно.

Сада всё это время не вмешивалась. Теперь она поставила пустую табличку вертикально.

— Сегодня вы увидели две опасности, — сказала она. — Если расхождение стереть, мандат получает скрытый предел. Если потребовать раскрытия, признание превращается в изъятие. Устойчивость не даёт права собственности.

— Тогда что должна была сделать Ари? — спросил Нол.

— Это вопрос Ари.

— Я отозвала связку, — сказала она.

— Это действие. Не ответ.

Ари разорвала лист с контуром пальцев и спрятала клочки в карман.

— Я должна была предупредить, что моё значение имеет предел, которого я не назову. До связки.

— Тогда мы могли отказаться, — сказал Тео.

— Да.

Лисса поднялась. На столе осталась тонкая дорожка песка, указывающая от её места к Ариному.

— Ты обещала не называть значение за меня. А сама решила, чьё молчание полезно.

— Я не хотела отдавать островную форму Архиву.

— Мне ты тоже Архив?

Ари не ответила сразу. Любое быстрое «нет» прозвучало бы как просьба поверить человеку, который только что дал неполную правду.

— Не знаю, кому из вас она достанется, если я покажу, — сказала она наконец. — И не имею права проверять это формой, которую берег доверил не мне одной.

Лисса кивнула: ответ услышан, долг остаётся.

Сада вручила им четыре узкие полосы меди.

— На следующем занятии вы будете учитывать цену связки. До него запишите личные исходные навыки рук. Не то, что умеет средний житель вашей территории, а то, что умеет

те вы сами. Узлы, письмо, счёт, ремесло, привычные движения. После каждого мандата сверяйте список.

Лисса закрыла правую руку левой.

— Чтобы потерю можно было назвать учебной? — спросила Лисса.

— Чтобы её нельзя было назвать усталостью, — жёстко ответила Сада.

Она открыла боковую дверь. За ней начиналась служебная лестница к общежитиям. Три пути наружу снова расходились.

Тео свернул протокол и передал Ари. После скрытого предела свидетельство доверили той, кому сейчас доверяли меньше всего: не награда, а проверяемая ответственность.

— Сделаем четыре копии, — сказал он. — Каждая с четырьмя живыми подписями.

— С записью, что связка обнаружила неназванное пятое значение и была отозвана его носителем до фиксации, — сказала она. — Без рисунка. Без происхождения. И с тем, что остальные не были предупреждены о возможном скрытом пределе.

Лисса первой протянула руку за протоколом.

— Это точная запись.

Не прощение. Но и не отказ стоять рядом.

Они вышли разными лестницами. В кармане Ари лежали обрывки с контуром пальцев. Ногти сами нашли знакомое касание: большой к безымянному, память к имени от-

сутствующего.

На этот раз она разомкнула пальцы прежде, чем рука закончила фразу.

Глава 5. Цена связки

Лисса принесла на занятие семь узлов.

Они висели на коротких отрезках верёвки у неё на поясе: плоский, двойной, скользящий, два морских, которых Ари не знала, и ещё два совсем простых на вид. При каждом шаге узлы ударялись о медную полоску, выданную Садой, будто кто-то негромко считал.

В зале цены не было ни плиток, ни сосудов. В центре серого пола белела окружность с обычными вещами: иглой, ножом, яблоком, перьями, карточками и синим шнуром. Рядом стоял шкаф с узкими ящиками.

— Опись, — сказала Сада вместо приветствия.

Тео записал: застёгивает одежду одной рукой, режет перо, завязывает перевязь, складывает карту по старым сгибам. Нол перечислил сорок три навыка и снабдил каждый способом проверки. У Ари вышло двадцать восемь: письмо обеими руками, чистка рыбы, три аваррских узла, различение монет на ошупь.

Лисса протянула не лист, а связку верёвок.

— Здесь семь, — заметил Нол.

— На листе жест умеет жить отдельно от руки, — ответила она. — Мои не умеют.

Сада приняла связку.

— Тогда проверять будем руками.

Она раскрыла шкаф. В ящиках лежали такие же описи прежних учеников: ленты, образцы почерка, деревянные головоломки, половинки фигурно разрезанных карт. На медных ярлыках не было имён — только год, номер круга и дата проверки.

Ари увидела ящик с перекошенной надписью: «Цена не обнаружена». Внутри лежала перчатка, у которой были аккуратно зашиты большой и указательный пальцы.

— Почему их хранят без имён? — спросила она.

— Чтобы проверка навыка не становилась досье, — сказала Сада. — И чтобы человек мог забрать опись, не выпрашивая право на собственную руку.

— Архив может открыть шкаф?

— Архив считает, что он пуст. Это личные вещи, не учебные материалы.

Нол записал формулировку на полях своей описи.

Сада поставила в центр окружности медную стойку. На ней качалась чашка весов, а под чашкой был вырезан простой жест: ладонь принимает вес, не становясь его владельцем.

— Сегодняшний мандат распределит право держать предмет, — сказала она. — Один исполнитель кладёт яблоко в чашку. Другой принимает его вес раскрытой ладонью. Пока оба признают передачу незавершённой, яблоко не касается металла. Цена объявлена заранее: на десять вдохов вы утратите ощущение веса в принимающей руке. После отзыва на-

вык возвращается. Кто проверяет предел?

Ари осмотрела стойку. Никаких архивных клейм. Нол сверил рисунок с карточкой, лежавшей рядом. Тео пересчитал вдохи по песочным часам.

Лисса подняла яблоко.

— Я передаю.

— После вчерашнего ты не обязана входить со мной в связку, — сказала Ари.

— Я и не собиралась.

Лисса кивнула Тео. Он встал напротив неё и раскрыл ладонь над чашкой.

В сайрской форме передача считалась незавершённой, пока отдающий сохранял свободный конец вещи. Лисса обмотала яблочный черенок тонкой нитью и зажала нить между большим и указательным. Тео показал столичную форму принятия: вес переходил к получателю, когда его ладонь занимала место под предметом, даже без касания.

Они назвали расхождение. Сада потребовала отдельно назвать цену и предел. Лисса сказала: десять вдохов без ощущения веса, только в правой ладони Тео, без переноса на мышцы, боль и положение пальцев. Тео повторил каждое условие.

Яблоко зависло на ширину ногтя над чашкой.

Тео вздрогнул. Ари положила ему на ладонь второе яблоко. Он видел, как кожа прогнулась, но рука не сообщала тяжести. Пальцы сжались слишком сильно, на коже оста-

лись белые следы.

На десятом вдохе он выдохнул:

— Отзываю.

Первое яблоко звякнуло о металл. Тео перевёл взгляд на второе и чуть опустил руку, снова чувствуя вес.

— Вернулось, — сказал он.

Нол уже стоял у настенной ведомости. Тонкая стрелка под стеклом сдвинулась от нуля к одной десятой и вернулась обратно.

— Учтено точно, — сказал он.

— Учтено там, где велели смотреть, — поправила Лисса.

Сада разделила их на пары. Ари работала с Нолом: он передавал ей перо, она принимала право поставить последнюю точку в строке. Их расхождение было почти смешным. Для Нола строка завершалась касанием точки к бумаге; для Ари — когда рука отнималась и оставляла знак другому читателю. Они отдали по пять вдохов способности различать гладкую и шероховатую сторону листа.

Цена пришла сразу. Под пальцами Ари обе стороны бумаги стали одинаковыми. Стрелка ведомости поднялась. После отзыва шероховатость вернулась, словно берег показался из тумана.

Ари записала время, руку, навык до и после. Потом добавила то, чего не требовал бланк: кто именно подтвердил возврат. Нол поставил подпись.

— Ведомость уже подтверждает, — сказал он.

— Ведомость не трогала бумагу моими пальцами.

— Но измерила цену.

— Одно не заменяет другое.

Нол посмотрел на собственный список из сорока трёх строк и дописал возле каждой пустое место для свидетеля.

На третьей связке Сада сменила упражнение. Теперь два исполнителя должны были удерживать свободным проход через окружность, пока третий переносил через неё воду. Цена распределялась между руками всех участников, но, по условиям, была настолько мала, что ведомость округляла её до нуля.

— Нулевая цена не означает отсутствующую, — сказала Сада. — Она означает цену ниже шага прибора. Поэтому проверяются исходные навыки.

— Тогда зачем прибор? — спросил Тео.

— Чтобы не спутать малое с большим. Не чтобы спутать малое с ничем.

Лисса и Ари оказались по разные стороны окружности. Тео нёс стакан. Нол встал у ведомости.

Для Ари свободный проход существовал, пока вошедшего ещё можно было назвать гостем, а не задержанным. Лисса признавала проход свободным, пока у идущего оставался выбор вернуться тем же путём. Расхождение было настоящим: по Ариной форме путь мог закрыться за спиной гостя; по Лиссиной — нет.

— Предел, которого ты не назовёшь? — спросила Лисса.

Вопрос был точным и потому больше упрёка.

— Нет, — сказала Ари. — В этой форме скрытого предела нет. Если обнаружится другой, я отзову мандат сразу и запишу, что предупредила вас недостаточно.

— До связки?

— Сейчас. До связки.

Лисса удержала её взгляд, затем кивнула.

Они подняли руки. Ари оставила между большим и указательным проход для гостя. Лисса протянула к ней свободный конец синего шнура: путь назад, который нельзя затянуть чужой рукой. Тео вступил в окружность со стаканом.

Мандат возник почти без света. Воздух между их ладонями стал плотнее, а белая линия на полу распрямилась, хотя прежде была неровной. Тео прошёл внутрь, вылил воду в чашу и повернулся обратно.

Нол следил за стрелкой.

— Ноль.

Тео пересёк линию. Ари и Лисса одновременно отозвали связку. На этот раз мандат распался без сопротивления.

— Ноль, — повторил Нол. — Колебания не было.

Сада перевернула песочные часы.

— Проверка описи.

Тео сложил карту, застегнул манжету и разрезал яблоко на четыре почти равные доли. Нол написал две строки, перетасовал карточки и собрал деревянный замок. Ари перебрала монеты, завязала узел возвращения и вдёрнула нить в

иглу со второй попытки — как и до связки.

Лисса сняла с пояса первую верёвку. Плоский узел лёг у неё быстро. Скользящий тоже. На четвёртом она задержалась, распустила виток и начала снова.

— Как он называется? — спросила Ари.

— Слепой причальный. Его вяжут одной рукой под бортом, когда вторую нельзя снять с весла.

Лисса завела петлю за указательный, перехватила конец мизинцем — тем самым, который плохо разгибался после старой связки, — и остановилась. Пальцы стояли правильно. Конец верёвки был там, где нужно. Но следующий поворот не приходил.

Она посмотрела на руку так, словно та произнесла чужое имя.

— Ещё раз, — сказала Сада.

Лисса распустила петлю. Медленно повторила первые движения. На том же месте большой палец потянул шнур наружу вместо того, чтобы поднырнуть под виток.

— Верёвка слишком сухая, — сказал Тео и тут же замолчал.

Лисса взяла другую. Потом намочила конец в чаше. Потом закрыла глаза.

Пальцы не дрожали. Они слушались. Они просто больше не знали дороги.

Нол прижал ладонь к стеклу ведомости.

— Стрелка не сдвинулась.

— Значит, узел цел, — сказала Лисса. — Надо только сообщить моей руке.

Она улыбнулась без веселья и протянула шнур Ари.

— Завяжи.

— Я не умею этот.

— Вот именно.

Лисса повернулась к Саде.

— Цена взяла не силу пальцев и не чувство шнура. Она взяла последовательность, которой нет в вашем списке измерений.

Сада не стала защищать прибор. Она закрыла створку ведомости.

— Нол, запишите наблюдаемое.

— Связка с заявленной ценой ниже шага измерения. Показание до, во время и после — ноль. После отзыва исполнительница Лисса Ор дважды...

— Пять раз, — сказала Ари.

— Пять раз не смогла завершить исходный навык при сохранности движений до точки перехода. Причина не установлена.

— Связь со связкой? — спросил Тео.

Нол помедлил.

— Последовательность событий установлена. Причина — нет.

Ари ожидала, что Лисса назовёт это трусостью Архива. Но та только подтянула к себе лист.

— Хорошо. Не пишите, что мандат украл узел, если вы этого не знаете. Напишите, что до него я умела, после — нет, а ведомость показала ноль.

Сада принесла из шкафа чистый конверт. Лисса положила туда незавязанный шнур и образец готового узла.

— Проверка через десять вдохов, через час и завтра, — сказала Сада. — До возврата навыка никаких связок.

— А если не вернётся?

— Тогда слово «временная» в моём условии было ложным.

В зале стало тихо. Ари впервые услышала, как внутри шкафа едва звенят металлические застёжки чужих описей.

— Вы знали, что так бывает, — сказал Тео.

— Я знала, что нулевые записи расходятся с руками. Не знала, у кого и какой навык исчезнет сегодня.

— И всё равно поставили упражнение.

— Да.

— Это не ответ.

— Нет, Тео. Это признание моего решения. Ответа, который сделает его безопасным, у меня нет.

Он отступил от окружности. Впервые Ари увидела, как Тео не предлагает порядок вместо страха.

Нол снял со стены ведомость, проверил заднюю крышку и клеймо.

— Прибор исправен.

— Тогда что он измеряет? — спросила Ари.

— Учтённую цену.

— Кем учтённую?

Нол провёл пальцем по мелкой надписи под шкалой. До этого они принимали её за номер мастерской.

— «В пределах назначенного носителя», — прочёл он.

Лисса подняла правую руку.

— Я была назначенным носителем.

— В протоколе — да.

— А в приборе?

Нол перевернул карточку упражнения. На обороте стояли четыре пустых поля: исполнители, предел, цена, отзыв. Ни одного поля для носителя не было.

Сада забрала карточку не из его рук, а со стола, чтобы не прерывать его права держать находку.

— Мы не будем заполнять пробел объяснением, — сказала она. — Пока у нас есть три факта: показание нулевое, навык утрачен после связки, поле носителя отсутствует. Всё остальное — гипотеза.

Ари вынула свою опись. Двадцать восемь строк вдруг показались ей списком того, что можно отнять, не оставив следа на шкале.

Она добавила: узнаю мать по шагам на деревянной пристани; помню порядок девяти сигнальных огней; различаю по натяжению сети, где застрял груз; могу без счёта разложить хлеб на пять равных долей; помню касание островного жеста, не завершая его.

— Последнее нельзя проверять публично, — сказала Лисса, читая через стол.

Ари закрыла строку ладонью, потом убрала руку.

— Значит, у проверки будет предел. Свидетель подтвердит только, что я его назвала до связки, а не само значение.

— Кто свидетель?

Ари могла выбрать Саду: преподавательницу, которая хранила тайный шкаф. Могла выбрать Нола: он умел отделять наблюдение от причины, даже когда это ломало удобную запись. Могла выбрать Тео: он сделал четыре копии протокола и не требовал доверия без подписи.

— Ты, — сказала она Лиссе. — Если согласишься.

Лисса попробовала завязать слепой причальный в шестой раз. Шнур снова выпал из пальцев.

— Я подтверждаю предел, — сказала она. — Не твою невинность.

— Этого я и прошу.

Ари перечеркнула на листе заголовок «Навыки рук» и написала: «Исходные навыки». Руки были лишь местом, где исчезновение легче заметить.

Они проверили Лиссу через десять вдохов. Потом ещё раз, когда песок в часах опустился наполовину. Узел не вернулся.

Сада запечатала конверт четырьмя оттисками — без архивной матрицы, только живыми пальцами участников. В журнале она оставила строку цены пустой и рядом написала:

«Ноль прибора не принят за отсутствие ущерба».

Перед уходом Нол переписал фразу в собственную опись.

— Завтра я запрошу устройство шкалы, — сказал он. — Не записи о вашем узле. Только способ назначения носителя.

— Запрос увидят, — предупредила Сада.

— Запросы для этого и существуют.

Лисса собрала шесть готовых узлов. Седьмой шнур остался в конверте.

На лестнице Ари достала медную полоску и нацарапала на обороте первую запись личного счёта: «Бумага — вернулась. Свидетель Нол. Связка прохода — показание ноль. После неё Лисса утратила слепой причальный. Причина неизвестна».

Ниже она оставила место для того, что однажды могла не суметь назвать.

Из зала донёсся сухой щелчок закрытого шкафа. Ари подумала о перчатке с зашитыми пальцами и о ярлыке «Цена не обнаружена». Теперь эта надпись означала не пустоту.

Она означала, что кто-то прекратил искать слишком рано.

Глава 6. Архив соответствий

Запрос Нола вернулся не отказом, а приглашением.

На бумаге Архива стояло: «Для разъяснения порядка назначения носителя практиканту надлежит сопоставить действующую форму с каталогом исходных образов». Ни слова о Лиссе, нулевой ведомости или пропавшем узле. Внизу было назначено время — седьмой удар, до начала занятий, — и перечислены допущенные лица: Нол Эйда и его учебный круг.

Под часами западной галереи Тео заметил, что Архив заранее знает весь круг. Нол ответил: их имена связаны учебным протоколом, а допуск можно проверить по журналу. Лисса держала правую руку в кармане: слепой причальный не вернулся ни через час, ни к рассвету.

Вход в Архив соответствий находился не за парадными дверями с бронзовыми ладонями, а под школой, возле старого водосборника. Нол приложил практикантский жетон к углублению в стене. Камень не засветился и не отступил. Внутри замка просто щёлкнуло, как в обычной кладовой.

— Здесь нет мандата доступа? — спросила Ари.

— Есть, но дверь им не открывают. Мандат решает, считается ли вошедший допущенным после входа.

— То есть сначала можно войти, а потом оказаться нарушителем?

— Поэтому я читаю журнал до порога.

За дверью висела книга допуска. Их имена были вписаны заранее с одинаковой сферой: учебный каталог, формы назначения носителя, без права извлечения образа. Хранитель оставил только служебный знак без имени. По требованию Лиссы Нол записал: список существовал до их прибытия, составитель по странице не определяется.

За первой дверью начиналась лестница с медной полосой на каждой ступени. Нол предупредил не подстраивать шаг друг под друга: каталог исходных образов требовал различимости походок, хотя в парадной галерее школа требовала общего шага. Тео назвал правила противоположными. Нол ответил, что сферы разные, но объяснить, откуда посетителю заранее знать сферу собственного тела, не смог.

Каталог занимал круглый зал без окон. Шкафы были помечены буквами, годами и знаками сфер: путь, присутствие, груз, перемирие, вода. Над центральным столом висела ведомость с тремя стрелками.

Первая называлась «заявленная цена», вторая — «принятый носитель», третья — «остаток назначения».

Ари прочла подписи дважды.

— В нашей ведомости была только первая.

— В учебной ведомости, — сказал Нол.

— Цена была не учебная.

Лисса вынула руку из кармана и положила на стол. Перед ней лежал короткий шнур. Она не пыталась его завязать,

только не позволяла остальным забыть, зачем они пришли.

Нол достал карточку вчерашнего упражнения. Оригинал остался у Сады под четырьмя живыми оттисками; это была копия с пометкой о происхождении. В карточке по-прежнему имелись исполнители, предел, цена и отзыв. Поля носителя не было.

— Запрос ведёт к форме Н-двенадцать, — сказал он. — «Назначение при распределённой цене ниже шага учёта».

Он подошёл к шкафу с литерой Н. Ящики внутри располагались не по номерам. После одиннадцатого шёл девятнадцатый, затем третий и только потом двенадцатый.

— Ошибка сортировки? — спросил Тео.

— Порядок отклика. Чаще используемая форма должна быть ближе к руке хранителя.

— Двенадцатая четвёртая по частоте?

Нол задержал пальцы на ручке.

— Была седьмой в прошлом месяце.

Он вытянул ящик. Внутри стояли сотни тонких карточек, разделённых медными пластинками. На первой пластинке значилось: «Действующие назначения». На второй: «Ожидающие отзыва». На третьей: «Закрытые».

Нол поискал номер их упражнения среди действующих и не нашёл. Среди ожидающих тоже.

— Оно должно быть здесь? — спросила Ари.

— Если прибор принял носителя, да.

— А если не принял?

— Тогда связка не должна была получить цену.

Лисса толкнула шнур одним пальцем. Он прокатился по столу и остановился у края.

— Рука получила.

Нол перебрал закрытые карточки. Нашёл номер, сравнил печать, положил перед ними.

В строке «носитель» стояло: «учебный круг, локальная опись». Ни имён, ни долей. Ниже было напечатано: «При остатке менее одной десятой назначение считать исчерпанным автоматически». Три маленьких квадрата подтверждали, что исходные навыки проверены, цена вернулась и спор отсутствует. Все три были отмечены одной и той же архивной чертой.

— Никто не проверял возврат, — сказала Ари. — Карточку закрыли раньше, чем мы закончили упражнение.

Нол сверил время. Отметка закрытия стояла за шесть минут до начала занятия.

Тео наклонился к карточке.

— Значит, это заготовка. Служащий поставил печать заранее.

— Печать подтверждает действие, а не намерение, — сказал Нол.

— Я не оправдываю. Я предлагаю обычное нарушение вместо невозможного.

— Обычное нарушение уже достаточно, — сказала Лисса. — Если из-за него я забыла узел.

Нол приложил карточку к первой наклонной доске. Над столом дрогнула стрелка заявленной цены и осталась на нуле. Вторая, «принятый носитель», поднялась до отметки круга. Третья не сдвинулась.

— Архив считает назначение закрытым, — сказал он.

Ари посмотрела на шнур.

— А если проверить не карточку, а Лиссу?

— Доска не принимает людей.

— Очень предусмотрительно, — сказала Лисса.

Нол вынул служебный бланк и начал заполнять уведомление о несоответствии. Он ещё писал дату, когда в глубине шкафа что-то тихо щёлкнуло. Один из разделителей сдвинулся сам, пропуская закрытую карточку дальше. Действующие назначения уплотнились, будто освободили место новой записи.

Ари увидела на краю одной карточки знакомое сочетание букв: АВР. Под ним — год, когда ей было несколько месяцев.

— Подожди.

Нол не коснулся разделителя.

— Наш допуск ограничен формами назначения.

— На карточке форма Н-двенадцать.

Он прочитал верхнюю строку и кивнул.

— Смотреть можно. Извлекать образ — нет.

Ари вытащила карточку двумя пальцами. Бумага была тёплой, словно её только держали. На лицевой стороне значилось: «Севаль, Мирай. Аварра. Портовый договор малого

прилива». Ниже стояли дата передачи образа и первоначальная сфера: один сезон, северная пристань, право прохода для судов с пресной водой.

Ари знала этот договор. В детстве мать показывала на каменную чашу у причала и рассказывала, как после штормового года остров разрешил лигатским водовозам входить без обычного ожидания. Один сезон превратился в семейную примету: тогда Мирай впервые остригла волосы, чтобы соль не оставалась на них после каждой смены.

В строке состояния было написано: «Матрица действующая».

— Срок завершился двадцать лет назад, — сказала Ари.

Нол встал рядом, оставив между собой и карточкой расстояние ладони.

— Первоначальный срок — да.

— Здесь нет второго.

На обороте теснились ссылки на продолжения: семь номеров, каждый с новой сферой. Не сами договоры, только каталожные ходы. «Сезонный проход» становился «устойчивостью снабжения», затем «непрерывностью общественно необходимого пути», потом — «сохранением доступности путей Девяти Берегов». Последняя ссылка не имела даты окончания.

— Она не подписывала этого, — сказала Ари.

— По карточке мы не можем установить, что она подписывала, — ответил Нол.

— Я могу.

— Ты можешь сообщить её слова. Это будет свидетельство, не запись Архива.

— А запись Архива будет чем?

Нол посмотрел на карточку.

— Заявлением Архива о собственном действии.

Раньше он называл бы её документом.

Тео развернул оборот к свету настольной лампы.

— Продления могли быть предусмотрены исходным договором. В снабжении часто пишут преемственные сферы, чтобы не созывать стороны после каждого шторма.

— Моя мать умеет читать договоры.

— Я не сказал, что её обманули по глупости.

— Ты сказал это вежливее.

Тео отступил. В его лице появилось то выражение, с которым он обычно искал правило, способное выдержать чужой гнев. Но теперь он не стал говорить первым.

Лисса провела ногтем по строке состояния.

— «Матрица» — это носитель?

— Нет, — сказал Нол. — Это образ исполнителя, способный подтверждать ранее переданную форму в пределах разрешённой сферы.

— Спустя двадцать лет он всё ещё изображает её живое согласие?

— Он не должен изображать новое согласие. Только поддерживать старое.

— Семь новых сфер выглядят новыми.

— Выглядят, — согласился Нол.

Это слово встревожило Ари сильнее уверенности. Нол не оправдывал Архив и не объявлял его виновным. Он остав-
лял между карточкой и выводом пространство, куда могло
поместиться доказательство.

На нижнем краю оборота имелась ещё одна строка, по-
чти скрытая следом медной пластинки: «Назначение цены
— территориальное, по доступному остатку».

Ари прочла её вслух.

Стрелка над столом шевельнулась.

Не первая. Третья — «остаток назначения» — поднялась
на одно деление и медленно вернулась.

Все замолчали.

— Мы не активировали карточку, — сказал Тео.

Нол проверил положение её углов на доске. Карточка ле-
жала рядом, не касаясь медных направляющих.

— Нет.

— Тогда почему ведомость ответила?

Нол снял показания всех трёх стрелок и записал время.

— Не знаю.

Лисса придвинула к Мираиной карточке свою копию
упражнения. На одной носителем назывался учебный круг
и заранее утверждалось, что цена вернулась. На другой цена
назначалась территории и существовал какой-то доступный
остаток.

— Мой узел ушёл в Аварру? — спросила она.

— Не делай этого, — сказала Ари.

— Чего?

— Не превращай одно движение стрелки в обвинение острова. Мы этого не знаем.

Лисса резко отдернула руку.

— Я обвиняю не остров.

— Но назвала его получателем.

— Я спросила.

— Так спрашивают, когда ответ уже поселили в чужом теле.

Лисса побледнела. Её правый мизинец остался согнутым, словно удерживал невидимый конец верёвки.

— Вчера ты просила меня быть свидетелем твоего предела.

— Да.

— А сегодня мой предел — не дать вам записать мой потерянный навык как платёж твоей родины. Я не согласна, чтобы Сайр и Аварра снова сделали двумя чашами одних весов.

Ари хотела возразить, что именно это и защищает. Но услышала в собственных словах привычную поправку: я называю точнее, что ты имела в виду.

— Принято, — сказала она. — Вопрос не записываем как гипотезу.

Нол зачеркнул начатую строку так, чтобы слова оставались читаемыми, и рядом написал: «Связь между двумя кар-

точками не установлена. Совместное положение у ведомости не является проверкой».

— А движение стрелки? — спросил Тео.

— Отдельное наблюдение, — ответила Ари. — Без причины.

Лисса кивнула. Не благодарно, но достаточно, чтобы разговор продолжился.

Для истории продлений требовался другой допуск. Нол подал новый запрос вместе с уведомлением о карточке, закрытой до занятия. Даже секретный отказ, сказал он, станет документом, который можно оспорить: записанная дверь хотя бы имеет петли.

Ари перевернула карточку матери лицом вверх. Имя стояло спокойно и безошибочно. От этого было хуже. Ошибка дала бы надежду, что Архив держит не Мирай, а случайную похожую запись.

— Я хочу копию.

— Допуск запрещает извлечение образа, — сказал Нол.

— Это бумага, не образ.

— Карточка связана с образом. Копирующая доска может снять больше, чем текст.

— Тогда перепишу рукой.

— Можно переписать каталожные данные. Положение пальцев, оттиски и поля отклика — нельзя.

Ари переписала имя матери, первоначальную сферу, семь номеров продолжений, состояние матрицы и фразу о тер-

риториальном назначении цены. Возле последней добавила: «Значение термина “доступный остаток” неизвестно». Тео сверил номера, Лисса — даты, Нол — формулировки; подписались все четверо.

Когда Ари вернула карточку, та не вошла на прежнее место. Медный разделитель действующих назначений притянул её к самому началу, впереди карточек текущего года.

— Частота использования, — напомнил Тео.

Нол посмотрел на новый порядок.

— Или частота отклика. Инструкция использует оба слова.

— Это разные вещи.

— Теперь я тоже так думаю.

Когда Ари прижала ладонь к карману с описью навыков, стрелка остатка едва поднялась и опустилась, стоило убрать руку. Нол запретил повторять опыт: без объявленной цены и предела это было бы не проверкой. Он записал движение стрелки, не связывая его с Ари.

У выхода книга потребовала подтвердить, что они не вынесли архивный образ. Оттиск Лиссы она объявила неполным из-за согнутого мизинца, хотя утренний знак был таким же. Нол сослался на журнал допуска, Тео вписал, что система не умеет оформить выход без ложного жеста, а Ари засвидетельствовала неизменность руки. Лисса отдельно произнесла, что не разрешает считать её телесную утрату доказательством кражи. Книга приняла словесное подтверждение и от-

крыла дверь.

Наверху туман уже стекал с крыш. Ари остановилась у окна и достала переписанный лист.

Имя Мирай Севаль стояло над семью продолжениями, которых мать никогда не упоминала. Этого было недостаточно, чтобы обвинить Архив в переносе цены. Но достаточно, чтобы спросить не школу, а саму Мирай, какую сферу она отдала и что за двадцать лет исчезало из рук Аварры.

Лисса убрала шнур обратно в карман.

— Сначала спроси её, — сказала она. — Не значение карточки. Её.

Ари сложила лист, не исправляя неровный сгиб.

— Спрошу.

Внизу, за закрытой дверью, каталог продолжал переставлять действующие записи по частоте отклика. Карточка сезонного договора лежала теперь первой.

Матрица Мирай не ждала отзыва.

По версии Архива, она всё ещё работала.

Глава 7. Письмо без пальцев

В почтовом зале школы запрещали задавать вопрос, ответ на который уже был вписан в форму.

Правило висело над каждым столом. Под ним лежали листы с готовыми началами: «Подтвердите, что...», «Верно ли, что...», «Согласны ли вы считать...». Ари перечитала их и взяла чистую бумагу.

Она написала: «Мама, расскажи, пожалуйста, что именно ты передала Лигату по договору малого прилива, на какой срок и какие перемены в навыках людей ты помнишь после него».

Лисса, сидевшая напротив, прочла строку.

— «После него» уже ставит события в ряд.

Ари зачеркнула конец.

«Какие необычные утраты навыков ты помнишь на Аварре за последующие годы, независимо от того, считали ли их связанными с договором».

— Теперь ты просишь необычное, — сказал Нол. — Мать будет отбирать по твоему ожиданию.

Тео положил рядом третий лист.

— Спроси сначала договор. Потом отдельно — что записывали о телесных навыках в те годы. Не связывая вопросы даже порядком.

Ари начала снова.

Первый вопрос был о сторонах, сроке, сфере, праве отзыва и переданном образе. Второй — о том, существовали ли в портах личные описи навыков и что в них попадало. Третий — знала ли Мирай слово «матрица» применительно к своему договору. Ари не упомянула найденную карточку, семь продлений и стрелку остатка.

— Почему скрываешь источник вопроса? — спросил Нол.

— Потому что письмо проходит школьную почту.

— Тогда ответ тоже нельзя считать независимым. Она поймёт, что ты что-то нашла.

— Пусть поймёт, что я спрашиваю. Не то, какой ответ спасёт меня.

Лисса попробовала завести шнур за указательный палец. Пальцы снова остановились перед нужным поворотом. Она распустила петлю, не ругаясь.

— Добавь: пусть не показывает жест на почтовом листе.

Ари добавила. Письмо ушло с полуденной чайкой — не живой птицей, а складным почтовым мандатом, который признавал путь завершённым только после ответа адресата.

Ответ пришёл к вечеру без печати школы.

Лист выпал из щели над столом и не раскрылся. Его удерживали три витка рыбацкой нити. Ари знала этот способ: мать перевязывала так деньги для рынка, ключ от кладовой и записки, которые нельзя читать мокрыми руками. Узел был простым, но один конец Мирай всегда оставляла длиннее другого.

Сегодня оба конца были одинаковыми.

Ари долго смотрела на них.

— Это знак? — спросил Тео.

— Не знаю.

Она внесла различие в опись до того, как развязать нить. «Материнский узел на письме изменён; значение неизвестно». Лисса поставила рядом отметку свидетеля.

Почерк Мирай начинался ровно, затем буквы становились крупнее.

«Я передала телесный образ формы малого прилива на один сезон. Лигатские суда с пресной водой получали право северного прохода после шторма, пока аваррский смотритель держал на причале красную чашу. Сторонами были портовый совет и капитан водовозов. Архив был свидетелем и хранилищем, не стороной».

Ари подвинула лист к свету.

«Отозвать мог совет после восстановления колодцев или я лично, если проход использовали для иного груза. Сезон закончился. Чашу убрали. Я отозвала образ при двух смотрителях и архивном писце».

Ниже Мирай ответила на второй вопрос.

«Личных описей тогда не вели. Считалось стыдным жаловаться на мелкие утраты после большого спасения. Старый Тев перестал чувствовать натяжение сети раньше разрыва. Руна Кай больше не могла делить хлеб на пять равных частей без ножа. Я путала шаги людей на деревянном причале,

хотя прежде узнавала каждого издалека. У детей пропадали считалки пальцев. У лодочника Вара исчез поворот кисти, которым он снимал мокрую верёвку с кнехта. Мы называли это усталостью после штормового года. Не превращай перечисленных людей в доказательство без их согласия».

Ари коснулась медной полоски в кармане. В собственной описи она записала почти те же навыки: шаги матери, деление хлеба, натяжение сети. Не потому, что помнила чужие утраты. Потому что это были обычные аваррские умения, слишком малые для государственного счёта и слишком важные, чтобы заметить остров без них.

Третий ответ занимал одну строку.

«Слово “матрица” ко мне не применяли».

После пробела почерк изменился. Мирай больше не отвечала по пунктам.

«Ари, если ты увидела мой образ в действующем каталоге, не касайся архивной связки. Не проверяй её собой. Не позволяй назвать твоё родство продолжением моего согласия. Двадцать лет назад писец спросил, кому перейдёт право отзыва, если я умру. Я ответила: никому без нового договора. Он попросил показать жест ещё раз, будто первая запись была нечёткой. Второй показ я не признала передачей. Возможно, Архив признал».

Лисса подняла глаза.

— Она угадала находку.

— Или знала, что когда-нибудь её найдут, — сказал Тео.

Нол указал на первую строку письма.

— У нас есть свидетельство об отзыве при архивном пис-
це. Нужны имена зрителей и дата.

Ари продолжила читать.

«Не пиши об этом школьному хранителю. После моего отзыва из порта приходили люди с вопросами не о договоре, а о тебе: какой рукой ты держишь ложку, узнаёшь ли меня по шагам, повторяешь ли мой жест во сне. Я решила, что они проверяли наследственную пригодность переводчицы. Теперь думаю иначе, но не стану вкладывать вывод в твою голову через письмо».

Последняя фраза была выведена отдельно.

«Сначала вернись домой. Потом будем спорить с Архивом живыми руками».

Ари перечитала письмо. Она ждала страха, но почувство-
вала раздражение. Мать требовала вернуться именно тогда,
когда диплом впервые мог дать Ари право не просить сто-
лицу говорить за Аварру. Запрет звучал заботой и одновре-
менно распоряжением её телом.

— Ты не обязана ей подчиняться, — сказал Тео.

— Обязана не использовать её свидетельство против её
воли, — ответила Лисса.

— Это не одно и то же.

— Поэтому я сказала только одно.

Нол разложил рядом переписку каталожной карточки и
письмо. Первоначальные сферы совпадали: сезон, северная

пристань, пресная вода. В карточке не было красной чаши и права личного отзыва. Семь продолжений не имели соответствий в рассказе Мирай.

— Документы расходятся в проверяемых полях, — сказал он. — Этого достаточно для официального запроса на приостановку матрицы.

— И письмо попадёт Архиву, — сказала Ари.

— Без приложения свидетельства запрос слабее.

— Мать прямо запретила писать хранителю.

— Она запретила тебе. Не кругу.

Лисса ударила ладонью по столу.

— Вот так и делают владельца значения. Ищут, кто формально не связан её словами.

Нол побледнел.

— Я описал процедурный вариант.

— Процедура не перестаёт быть поступком.

Он убрал бланк запроса.

— Принято. Без согласия Мирай письмо не прикладываем и не пересказываем как её заявление третьим лицам.

— Каталожные данные наши, — сказал Тео. — Их можно проверять независимо.

Ари разделила материалы. Перепись карточки положила слева, письмо — справа. Между ними оставила пустое место.

— Нол уже подал запрос к истории продлений. Его не отзываем. Но не добавляем письмо. Сначала получаем сами документы.

— Запрос увидят, — напомнил Тео.

— Уже увидели. Новый вред от молчания сейчас меньше, чем вред от передачи маминого ответа.

Лисса взяла материнский узел и попробовала повторить. Два простых витка получились. Слепой причальный оставался недоступен, но не все дороги руки исчезли.

— Что значит одинаковая длина концов? — спросила она.

— Раньше длинный показывал, с какой стороны открывать.

— А теперь?

Ари повертела нить.

— Теперь письмо нельзя открыть правильно. Только выбирать.

Она внесла это как собственное толкование, не как намерение Мирай.

За окнами зажглись девять сигнальных огней гавани. Ари назвала их по порядку, проверяя опись. На шестом огне ей показалось, что название задержалось, но слово пришло раньше страха. Лисса засвидетельствовала: навык сохранён.

Тео собирался уходить, когда в почтовой щели появилась узкая квитанция. На ней значилось, что ответ Мирай принят школьной системой как «уточнение действующей архивной формы». Ни Ари, ни мать не давали такого назначения.

Нол проверил номер отправления.

— Почтовый мандат связал вопрос с каталогом по термину «матрица».

— Значит, Архив уже получил ответ? — спросила Ари.

— Не текст. Классификацию. Возможно, поля совпадения.

— Возможно?

— Я не знаю устройства почтовой связки.

Ари перевернула квитанцию. На обороте стоял знакомый служебный знак: вертикальная черта и девять поперечных — подпись без имени из журнала допуска.

Официальный путь оказался открыт раньше, чем они решили им воспользоваться.

— Сожжём письмо, — сказал Тео. — Пока у них нет текста.

— Нет, — ответила Ари. — Тогда останется только классификация Архива. Мамины слова исчезнут, а его версия сохранится.

Она сделала дословную копию, но не для школы. Оригинал завернула в ткань и передала Лиссе.

— Почему мне?

— Ты уже свидетель предела. Подтверди, что письмо существует и что я не изменю его ради своей версии. Содержание не раскрывай без согласия мамы или угрозы её жизни.

— А если угроза твоей?

Ари подумала.

— Тогда решай сама. Свидетель не должен быть моей второй рукой.

Лисса спрятала письмо под подкладку сумки.

Нол забрал только квитанцию и записал её происхождение. Тео составил перечень людей, которые могли видеть классификацию, но не отправил его отцу и не предложил министерский доступ. Каждый из них оставил себе кусок задачи, не получив права на чужой.

Ари написала матери короткий ответ: «Я не коснусь связки до установления цены, предела и права отзыва. Твоё письмо не передам Архиву без твоего согласия. Домой сейчас не вернусь».

Она не добавила обещания прекратить расследование.

Почтовая щель приняла лист. На этот раз Ари не использовала готовую форму и не написала слово «матрица».

Когда остальные ушли, она осталась у девяти огней. Архив знал, что Мирай ответила об архивной форме. Скоро хранитель мог закрыть доступ к продолжениям или заменить карточку. Официальный запрос Нола был слишком видимым, а письмо — слишком личным.

Оставался путь между ними: проследить номера семи продлений по обычным школьным журналам сфер, где договоры значились как учебные примеры, не называя материнского образа.

Это было сокрытие цели. Ари не стала называть его нейтральностью.

Она записала в личной описи: «Решение расследовать тайно принято после того, как почтовая система без согласия классифицировала ответ Мирай. Цена решения пока неиз-

вестна».

Под строкой не было свидетеля.

Ари оставила место пустым.

Глава 8. Практика перемирия

Портовая практика начиналась с запрета выбирать виноватого.

— Вы не суд. Создайте время, в котором стороны ещё могут стать сторонами договора.

На причале уже кричали.

Между складом соли и навесом канатчиков стояли стража и тридцать людей в сайрских куртках. Рабочие разгрузили медную руду, но после смены надзорщика их пропуска объявили недействительными. Они требовали выпустить их к полуденному парому; стража — закончить пересчёт.

У разбитого ящика стражник держал дубинку, а молодой грузчик наматывал на кулак верёвку.

Лисса увидела сайрские застёжки и ускорила шаг.

Сада остановилась у белой границы таможенной территории.

— У вас двенадцать минут. Остановите телесное столкновение временным мандатом школы. Отзыв — исполнителями или моим приказом.

— А выход? — спросила Ари.

— Вы определяете сферу.

Это не было ответом. Между раскрытыми створками висела счётная цепь: прошедший под ней без отметки терял право наниматься на любом причале Кардена.

Лисса расспросила ближайшую женщину в сайрской куртке.

— Надзорщик удержал пропуска после разгрузки, — перевела Лисса. — Потом потребовал пересчитать руду, которой они не касались. Паром уходит через четверть часа. Следующий завтра.

— Почему стража подняла дубинки? — спросил Тео.

— Потому что Тарс попробовал пройти под цепью.

Нол раскрыл школьный планшет.

— Нужны представитель рабочих и старший стражник, — сказал Нол.

— Стража не владеет пропусками, — возразила Ари.

— Но владеет применением силы.

Кто-то толкнул стражника. Дубинка ударила рабочего по плечу, и обе стороны шагнули вперёд.

— Сфера: удары в границах Восточных доков, — сказал Тео. — Предел — до прибытия охраны. Отзыв — четырьмя исполнителями или Садой Рин.

— На десять минут и с правом выхода, — сказала Лисса.

— Мы не успеем согласовать выход, — ответил Тео.

Тарс рванулся к цепи. Стражники схватили его за куртку.

Сада не вмешивалась. Школа привела учеников в настоящий конфликт и назвала чужую спешку учебной сферой.

— Десять минут, — решила она. — Предел — только телесный вред. Перемещение не включаем.

Тео посмотрел на ворота, затем кивнул.

Они вошли в круг. Старший стражник согласился участвовать лишь после того, как Тео назвал полное имя и показал жетон с министерской насечкой.

Для стражника «остановить столкновение» значило сохранить линию ворот.

Для женщины в сайрской куртке перемирие значило уйти без сломанных рук, но сегодня.

Расхождение признали вслух. Ари показала открытый жест временного берега. Женщина повторила по-сайрски смысл — «руки возвращаются к телу», стражник приложил кулак к нагруднику: «линия удержана».

Резонанс прошёл по причалу низким гулом. Медные гвозди побелели.

Верёвка Тарса обвисла, дубинка остановилась у плеча Лиссы. Каждое движение, признанное ударом, теряло продолжение.

— Десять минут с этой отметки, — объявил Нол.

Женщина первой пошла к воротам, за ней двинулись остальные. Стражники расступились: мандат не позволял им ударить.

Женщина нагнулась под цепью и остановилась в ладони от меди. Не тело — право движения. Остальные налетели сзади. Мандат защищал их от удара и одновременно не выпускал.

— Отойти! — крикнула Лисса на сайрском.

Лисса потянула женщину назад. Та отступила легко, но

вперёд не могла.

Нол уставился в планшет.

— Перемещение исключено из сферы.

— На бумаге, — сказала Ари.

На белой черте проступили слова, которых не было в формуле: «Сохранение доступного состава до прекращения угрозы».

— Это добавленная служебная поправка.

— Какая угроза? — Лисса обернулась к старшему стражнику. — Они не могут ударить!

Стражника ворота пропустили.

Лисса шагнула к цепи. Мандат задержал её так же, как рабочих.

— Он считает меня частью их состава.

В её голосе не было удивления.

Ари и Нола граница пропустила. Тео остался внутри по собственной воле.

— Назначение по происхождению? — спросил Нол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.